

МЕМОУАРЫ ИМПЕРАТОРА ВНЕШНЕЙ ИМПЕРИИ

The background of the cover features a man with long, light-colored hair and a dark, heavy robe standing in a desolate, mountainous landscape. To his right is a large, dark, shattered stone archway. The overall mood is dark and atmospheric.

УЧЕНИК ПУСТОТЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

— ЕВГЕНИЙ ДОРЕНСКИЙ —

Евгений Доренский

Мемуары Императора Внешней Империи.

Книга 1. Ученик Пустоты

<https://litres.ru/74002144>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Боль — информация. Смех — свобода. Пустота — форма, которая держит чай». Так говорит Тириан, чистокровный эльф, прошедший путь от уличного мальчишки до императора. В своих мемуарах он рассказывает, как потерял всё, чему верил Это тёмное, горькое и странно тёплое фэнтези о том, что потери не делают сильнее — но умение шутить над ними даёт власть.

Первая книга цикла «Мемуары Императора Внешней Империи».

Содержание

Пролог	4
Глава 1. О природе начала.	11
Глава 2. О клетке, которая стала домом	26
Глава 3. О цене доверия	39
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Доренский

Мемуары Императора Внешней Империи.

Книга 1. Ученик Пустоты

Пролог

Я отложил перо и посмотрел в окно. Аврора лежала внизу, укутанная туманом — чёрный камень, зеркальные купола, улицы без названий. Мой город. Моя империя. Моя коллекция ошибок, превращённых в законы.

За спиной скрипнула дверь, и я услышал знакомую тяжёлую поступь. Кассий никогда не умел ходить тихо — не потому, что не умел, а потому что не видел смысла. Зачем красться, когда ты вешишь как небольшая осадная башня? Его шаги всегда звучали как приговор: «Я здесь. Я большой. И мне плевать, что ты об этом думаешь». В иные ночи этот звук меня раздражал. Сейчас — нет.

— Ты опять не спал, — сказал он, останавливаясь в дверях. Огромный, как скала, с неизменным двуручным мечом за спиной. Мы прошли вместе от Крепости Костей до этого кабинета. Двенадцать лет, две войны, одна революция. За

это время он научился читать моё лицо лучше, чем я сам — и это при том, что я эльф, чистокровный, с лицами у нас вообще негусто.

Я повернулся на стуле, разминая затекшую шею. Свечи догорели почти до конца, лишь одна ещё трепетала в медном подсвечнике, отбрасывая пляшущие тени на свитки. На столе громоздились исписанные листы, чернильница с засохшими разводами, остывший чайник и моя левая рука, которая почему-то решила, что сейчас хорошее время, чтобы начать мелко трястись. Я спрятал её под стол.

— Спать — удел смертных, — ответил я. — А я эльф. Мне можно.

— Ты эльф уже полвека, но мешки под глазами у тебя как у пьяного наёмника.

— Это не мешки. Это архивы пережитого. У нас они выглядят именно так. Каждая бессонная ночь оставляет след, просто у людей эти следы быстрее превращаются в морщины, а у нас — в достоинство.

Кассий хмыкнул — тем звуком, который у него означал одновременно «ты дурак» и «ямой лучший друг». Он вошёл, оглядел бардак на столе, потрогал чайник, скривился. Потом кивнул на сундук в углу:

— Вчера ты опять уснул за столом. Я принёс одеяло. Вот, валяется на сундуке. Хотя тебе-то всё равно, ты же эльф, тебе мороз нипочём.

Я не ожидал этой бытовой реплики. Кассий обычно не за-

нимался такими вещами — у него были для этого слуги, адъютанты и вообще принцип «я воин, а не нянька». Но одеяло лежало на сундуке. Шерстяное, грубое, армейское — такое выдают в гарнизонах на северной границе. Я помолчал несколько секунд, собирая в кулак то, что не умел выразить.

— Спасибо, — сказал коротко. Слово вышло хриплым, будто я его откашлял.

Кассий кивнул, словно ничего особенного не произошло. Умение делать вид, что всё в порядке, когда на самом деле всё идёт к чёрту, — это у нас было общим. Он подошёл к столу, взял верхний лист, пробежал глазами несколько строк. Нахмурился, хмыкнул снова.

— «Боль — информация». Это ты сам придумал?

— В одиннадцать лет. На арене. Когда меня били палкой по рёбрам.

— Красиво. Но звучит так, будто ты оправдываешься.

Я взял чайник, налил в кружку то, что когда-то было чаем. Горькая, холодная бурда. Сделал глоток — и не поморщился. Привык.

— Я не оправдываюсь. Я объясняю. Это разные вещи. Оправдание — для слабых. Объяснение — для тех, кто хочет понять. Если, конечно, кто-то захочет.

— Ты правда решил это написать? — Кассий отложил лист и посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде не было сомнения — только тоска. Такая же, как у меня, только спрятанная глубже.

— Правда. Кто-то должен. Вэл слишком стар, Немой слишком нем, а ты слишком неграмотен.

— Я грамотен. Просто не люблю читать.

— Вот именно.

Он хотел сказать что-то ещё, но промолчал. Вместо этого сел на край стола — массивный дуб даже не скрипнул, — сложил руки на груди и уставился в окно. Туман над Авророй начал редеть, открывая башни и шпили, похожие на застывшие языки пламени. Где-то там, в тронном зале, меня ждали министры. Где-то там, на границах, тлела война. Где-то там, в Чертогах Затмения, она всё ещё ждала. Моя богиня. Мой паразит. Мой единственный зритель, которому я никогда не доставлю удовольствия увидеть меня сломленным.

— Ты пишешь, чтобы не скорбеть, — сказал Кассий.

— Я пишу, чтобы превратить скорбь в работу. Скорбь — налог для слабых. Я предпочитаю инвестиции.

— И как, выгодно?

— Узнаем через триста лет. Чистокровные эльфы живут долго. У меня есть время подвести баланс.

Кассий покачал головой. Он не любил говорить о моём долголетию — напоминание о том, что он умрёт раньше, а я останусь, действовало ему на нервы. Вместо ответа он взял мою чашку, отхлебнул холодный чай и скривился, как от укуса.

— Гадость.

— Это чай Тэона. Рецепт. Горький, потому что жизнь

горькая. Пей.

— Не буду. — Он поставил чашку с таким видом, будто она могла его укусить. — Значит, это будет книга?

— Это будет несколько книг. Первая — о том, как я стал собой. Или перестал быть тем, кем меня сделали. Это как посмотреть.

— И кому это нужно?

— Мне. И, возможно, тем, кто захочет понять, как строится империя. Скажу сразу: не на героизме. На потерях.

Он помолчал. Достал из-за пояса фляжку — я знал, что там не вода, но не стал замечать. Он сделал глоток, крикнул, спрятал обратно. Весь ритуал занял три секунды, и за это время его лицо успело сменить выражение с усталого на решительное и обратно.

— Я пришлю Вэла, — сказал он, поднимаясь. — Пусть вычитает. А то у тебя стиль — как у гладиатора: коротко, резко и слишком много крови.

— Зато честно.

— Честность — это твоя единственная добродетель.

— И самая бесполезная. Но я её культивирую.

— Культивируй. — Он направился к двери, но на пороге остановился. Не оборачиваясь, бросил: — Ты знаешь, что она не придёт. Даже если ты напишешь самое гениальное признание в мире. Ей плевать.

Я не ответил. Он ушёл, закрыв за собой дверь так тихо, насколько позволяли его ботинки — а позволяли они немного.

Я снова взял перо. Обмакнул в чернильницу, провёл по краю, чтобы не капало. И замер.

Мысль пришла внезапно, как удар в спину: А что, если никому это действительно не нужно?

Я прожил пятьдесят восемь лет. Построил империю. Уничтожил две династии. Написал Кодекс, который изучают в академиях по всему континенту. И сейчас сижу в кабинете, окружённый свитками, и боюсь, что мои мемуары окажутся никому не нужны. Как детская горбушка хлеба, которую я украл у мясника. Тёплая, вкусная — и съеденная в одиночестве.

Я усмехнулся. Тэон говорил: «Смех — это свобода». Я добавил к этому свой пункт: смех — это ещё и оружие. Особенно когда ты чистокровный эльф и все вокруг ждут, что ты будешь возвышенным и печальным. А ты вместо этого пишешь мемуары и тебе плевать, прочтает ли их кто-нибудь, кроме Кассия и мертвецов.

Я поставил первую букву.

«Моё первое воспоминание — вкус земли».

Слово за словом, предложение за предложением, я проваливался в прошлое, как в холодную воду. Не больно. Не страшно. Неизбежно.

За окном поднималось солнце, заливая Аврору золотом. Где-то там, внизу, город просыпался — торговцы открывали лавки, стража менялась у ворот, дети бежали в школы, кото-

рые я построил. Мои школы. Мои законы. Моя империя.

Я писал, и чернила ложились на бумагу ровно, как солдаты на плацу. Я писал о мальчике, который не знал своего имени, и о старике, который научил его смеяться. Я писал о крови и чае, о предательстве и верности, о пустоте, которая оказалась не дырой, а сосудом.

И где-то далеко, в Чертогах Затмения, моя богиня смотрела на меня сквозь зеркала. Я знал это. Чувствовал её взгляд — тяжёлый, влажный, как воздух перед грозой. Она ждала. Всегда ждала. Надеялась, что я сломаюсь. Что напишу что-нибудь слабое, жалкое, человеческое. Что подам ей знак.

Я усмехнулся и продолжил писать. Моя свобода — это единственное, чего она не может у меня отнять.

Глава 1. О природе начала.

Говорят, эльфы помнят своё рождение. Ложь. Моё первое воспоминание — вкус земли. Мокрой, смешанной с золой, после дождя, который шёл трое суток. Я сидел у стены, прижимаясь спиной к холодным камням, и слизывал эту грязь с пальцев, потому что больше было нечего. Голод — странная штука: он отключает всё, кроме одной простой команды. Живи. Любой ценой.

Мне было, наверное, года четыре. А может, пять. Возраст — это ярлык, который вешают на тебя другие; я никогда не знал своего точно. Время течёт по-разному для разных существ. Для человека один год — один год. Для эльфа — миг, который можно растянуть или сжать, как мех кузнечных мехов, если знаешь как. Я не знал. Я просто чувствовал, что дни тянутся дольше, чем у тех, кто меня окружал. И что я медленнее устаю. И что раны заживают быстрее. Это казалось мне нормальным — пока я не понял, что для других это ненормально.

Я был эльфом. Это единственное, что я знал о себе. Не потому, что помнил родителей — я не помнил ни отца, ни матери. Они исчезли раньше, чем я научился складывать слова в осмысленные фразы. Я не знал их лиц, их имён, их судьбы. Может быть, их убили. Может быть, они бросили меня. Может быть, они умерли сами — от болезни, от меча, от ста-

рости. В мире, где эльфы редкость, а чистокровные — почти миф, причин для исчезновения хватает. Но я знал, что я эльф, потому что уши у меня были острыми и заострёнными кверху, а волосы — слишком светлыми для здешних мест. И ещё потому, что взрослые, когда думали, что я не слышу, называли меня «остроухим выродком» и сплёвывали в сторону.

Позже, много позже, я узнал, что такое «чистокровный» и почему людей пугает одна только мысль о моём существовании. Но в детстве это знание было простым, как погода: я — другой. И этого достаточно, чтобы тебя ненавидели. Достаточно, чтобы били. Достаточно, чтобы не кормили.

Мать и тец — кто бы они ни были — оставили мне только кровь. Тягучую, как смола на коре старого дерева. Она давала мне время. Остальное я добывал сам.

Улицы не учат философии. Они учат смотреть на руки прохожих: сжаты ли пальцы в кулак, держат ли камень, тянутся ли к поясу. Они учат спать так, чтобы проснуться от любого звука, кроме собственного крика во сне. Кричать нельзя — крик привлекает. Либо стражу, либо тех, кто сильнее тебя. И то, и другое заканчивается болью.

Я изучил эти правила раньше, чем научился складывать цифры. Спать в подворотнях, где стекается дождевая вода — мокро, но безопасно, потому что бродяги туда не суются. Воровать еду на рынке — только с лотков, где мясник

отвернулся, и только одну вещь за раз, чтобы не заметили. Убегать — всегда зигзагами, потому что по прямой поймают. Прятаться — в мусорных баках, если пахнет достаточно сильно, чтобы собаки не лезли, а люди обходили стороной.

Я не помню, когда именно оказался на улице. Детская память стирает границы между днями, оставляя только картинки — яркие, как вспышки молнии, и такие же быстрые.

Помню тёплый полдень. Солнце висело низко, осеннее, ещё не зная, что скоро умрёт до весны. Я брёл вдоль рядов мясной слободы — запах крови и пряностей смешивался с дымом из труб. У одного лотка, прямо на краю, лежала горбушка хлеба. Свежая. С хрустящей коркой, посыпанная тмином. Мясник возился с тушей за спиной — слышно было, как скребёт ножом по кости. Я не думал. Не успел. Моя рука схватила хлеб раньше, чем мозг принял решение.

Я побежал.

Сердце колотилось где-то в горле. Воздух свистел в ушах. Ноги сами несли меня по переулкам — влево, вправо, через чей-то двор, под навес, через лужу. Хлеб был тёплым — я прижимал его к груди, чувствуя, как пар пробивается сквозь рубашку. Погони не было. Мясник либо не заметил, либо не захотел связываться с воришкой. Но я бежал всё равно — по инерции, по привычке, от страха, который остался со мной навсегда.

Смех пришёл внезапно. Я засмеялся — громко, взхлёб, почти истерично, — потому что получилось. Потому что я

бегу, и хлеб тёплый, и меня не поймали. Никакой философии. Никакого расчёта. Просто я, хлеб и этот дурацкий, никому не нужный восторг, от которого щипало в груди.

Я спрятался в подворотне, съел горбушку, обжигаясь и давясь, и почувствовал себя почти счастливым. Впервые в жизни. А потом пришёл вечер, и голод вернулся, и счастье ушло. Но тот миг остался. И когда много лет спустя кто-то спросил меня, могу ли я вспомнить что-то чистое, не запятнанное кровью, я вспомнил горбушку, украденную у мясника.

К одиннадцати годам — или к тому, что люди называли бы одиннадцатью годами — я был худым, жилистым существом с длинными светлыми волосами и голубыми глазами. Мои уши были заметно острее человеческих, и это делало меня мишенью. Другие беспризорники дразнили меня «остроухим», взрослые смотрели с подозрением, а иногда и с отвращением. Я не понимал, в чём моя вина. Я просто был. Но я быстро усвоил: эльф на человеческих улицах — это либо трофей, либо угроза. Либо и то, и другое.

Я никогда не держался с другими детьми. Не потому, что считал себя лучше — просто я был другим, а стаи не любят чужаков. Иногда меня били — за то, что я эльф, за то, что я ворую еду с их территории, за то, что просто подвернулся под руку. Иногда я давал сдачи. Никто из них не был быстрее меня. Я не знал, откуда бралась эта быстрота — просто в какой-то момент я уже уклонялся, а кулак или камень летели

мимо. А потом я бил в ответ. И они отступали.

Одиночество — плохая защита, но лучшей у меня не было.

Осенью меня поймали. Осенью всегда ловят — урожай собран, работы мало, зато много свободных рук, которые надо чем-то занять. Жатва — так называлось это развлечение. Сто детей — нищих, беспризорных, проданных родителями за долги, просто украденных в портовых городах, — выходят на арену Кровавого Круга. Один выходит живым. Толпа ревёт, король ест виноград, а золото течёт в казну.

Человек, схвативший меня, пах луком и кислым вином. У него были руки мясника — толстые, с короткими пальцами и рыжими волосками на тыльной стороне, почти не чувствующие боли. Он сгрёб меня за шкуру, поднял в воздух, встряхнул, оценивая взглядом. Я болтался, как тряпичная кукла, и даже не пытался сопротивляться — бесполезно.

— Остроухий, — сказал он задумчиво. — Эльф. Настоящий, что ли? Таких ещё не было. Возьмут.

Он сунул меня в мешок, затянул горловину, и я затих в темноте, пахнувшей дёгтем и чем-то кислым. Я не плакал. Я думал. О том, что мог бы убежать, если бы заметил его раньше. О том, что не заметил — значит, устал. О том, что устал — значит, плохо следил за собой. И о том, что теперь это уже не важно.

Меня бросили в клетку с другими детьми. Там было темно — только тусклый свет факелов пробивался сквозь решётку,

оставляя на грязном полу длинные полосатые тени. Воняло мочой, страхом и прелой соломой. Дети плакали. Кто-то звал мать. Кто-то молился богам, которых я не знал. Кто-то сидел в углу и молча смотрел перед собой пустыми глазами, уже сдавшись.

Один мальчик выделялся. Рыжий, веснушчатый, примерно моего возраста. Он не плакал. Не молился. Не смотрел в пустоту. Он сидел, прислонившись к прутьям, и методично, спокойно рассматривал остальных. Оценивал. Я заметил это сразу — потому что сам делал то же самое. Наши взгляды встретились на секунду. Он чуть кивнул — едва заметно, как бы говоря: «Я тебя вижу. И ты меня видишь. Хорошо». Потом отвернулся.

Я запомнил его. Рыжий мальчик, который не плакал.

Нас держали три дня. Кормили хорошо — каша с мясом, хлеб, чистая вода. Толстяки-распорядители в кожаных фартуках, забрызганных чем-то бурым, ходили вдоль клеток, выкрикивали цифры, делали пометки в засаленных бумагах. Они смотрели на нас, как смотрят на скот перед забоем: этот даст хорошее мясо, этот — жилистый, но бойкий, этого можно пустить первым.

— Пятьдесят седьмой, — сказал один, указывая на меня пальцем с грязным ногтем. — Эльф. Медленнее стареет, быстрее двигается. Поставь в конец, пусть потянет.

Так я стал номером пятьдесят семь. Имя у меня забрали. Вернее, его никогда и не было. То имя, которое я выбрал се-

бе сам, появилось позже, в другом месте, при других обстоятельствах.

На третий день нас вывели на арену.

Кровавым Кругом назывался этот амфитеатр. Старая, ещё имперских времён постройка, врытая в землю, с каменными стенами, покрытыми мхом и копотью факелов. Ложи для знати наверху, огороженные резными перилами, с мягкими подушками и столиками для закусок. Внизу — жёлтый песок, утрамбованный до тверди, с тёмными пятнами, которые не выводились уже много лет.

Король присутствовал лично. Я видел его мельком: гора жира на золотом троне, маленькие заплывшие глазки, борода, усыпанная крошками. Он жевал что-то — то ли виноград, то ли сливы — и смотрел на арену с равнодушным любопытством человека, который уже видел сотню таких жатв. Рядом сидела королева — худая, как жердь, с лицом, застывшим в маске скуки. Она не смотрела на нас. Она смотрела на свои ногти.

Нам раздали оружие. Не мечи и не копья — это было бы слишком гуманно, слишком быстро. Ножи, затупленные на концах, чтобы не убивали с одного удара, а мучили. Палки, обмотанные ржавой проволокой. Верёвки с петлями. Несколько камней — обычных булыжников, какие валяются на любой дороге. Кому-то досталась сломанная подкова, кому-то — деревянная ложка. Я взял камень. Гладкий, удобно

лежащийся в ладонь, с заострённым краем — такой можно вбить в висок, если ударить с нужной силой. Я не знал, с какой силой надо бить. Но я догадывался.

Рыжий мальчик взял верёвку. Сложил её в петлю и намотал на кулак — профессионально, как делают те, кто уже пробовал удавить. Я заметил это. Он заметил, что я заметил. Опять этот короткий обмен взглядами, ничего не значащий и всё решающий.

Рог проревел.

Сто детей — сто маленьких жизней, ещё не начавшихся, — бросились друг на друга. Первые минуты — это хаос, который не описать словами. Кровь, крик, хруст костей, песок, взлетающий в воздух и оседающий красным. Кто-то пытался залезть на стены, срывая ногти до крови. Кого-то затоптали свои же, пытаясь добраться до безопасного угла. Девочка лет семи стояла в центре и визжала — высоко, пронзительно, как чайка, — пока мальчик постарше не ударил её камнем по голове. Она упала, не переставая визжать, и долго ещё дёргалась в песке, пока кто-то не добил её ножом.

Я не двигался. Я прижался спиной к стене — холодный камень с острыми гранями, впивающимися в лопатки — и ждал. Ждать я умел. Рыжий тоже не бросился в мясорубку — он отошёл к противоположной стене, верёвка болталась в его руке. Мы оказались по разные стороны арены, но наши взгляды пересекались поверх мельтешащих тел.

Ко мне подбежал парень с прутом. Ржавый, выломанный

из какой-то ограды, на конце — заусенец, которым можно распороть кожу. Он был старше меня года на три — высокий, широкоплечий, с бычьей шеей и маленькими, злыми глазами. Его лицо горело — не злобой, а странным восторгом, словно он всю жизнь ждал разрешения убивать и наконец получил его.

— Остроухий, — прошептал он, поднимая прут. — Сдохни.

Он ударил. Прут просвистел в воздухе, целясь мне в голову. Я уклонился — ровно настолько, чтобы он задел плечо. Боль обожгла кожу, но кость осталась цела. Парень был сильнее, но медленнее. Он привык бить тех, кто не может ответить — кто замирает от страха, прикрывает лицо руками, плачет.

Я не замер. Я не заплакал.

Он замахнулся снова. На этот раз я не стал уклоняться. Я шагнул вперёд, в его атаку, и в тот момент, когда прут пошёл вниз, я оказался слишком близко для удара. Его рука задела моё плечо — вскользь, не больно. А мой камень вошёл ему в висок.

Не в лоб — промахнуться легко. А именно в висок, где кость тоньше, где за ней — тонкая плёнка, а под ней — мозг. Я не знал анатомии. Я не учился этому. Моя рука просто сделала то, что казалось правильным. Камень ударил ровно в то место, куда я целился.

Парень рухнул. Даже не охнув. Его глаза закатились, прут

выпал из разжавшихся пальцев и покатился по песку, оставляя за собой кровавый след — видимо, он поранил руку, когда падал. Я посмотрел на него. Он не дышал.

Я убил первого человека, когда мне было одиннадцать.

Я не почувствовал ничего. Ни тошноты, о которой говорили старые солдаты. Ни гордости. Ни страха. Ни облегчения. Только холодную, чистую тишину, как в погребке глубокой зимой. Я смотрел на тело, на песок, пропитанный кровью, и ждал — может быть, слёзы? Может быть, дрожь? Может быть, что-то, что докажет, что я ещё человек? Но тело молчало. Только правая рука — та, что держала камень — мелко тряслась. Не от страха. Не от холода. Просто тряслась, как чужая.

Я спрятал её за спину. Сжал в кулак, пока суставы не побелели. Через минуту дрожь прошла. Контроль вернулся.

Я подобрал прут.

Вокруг продолжалась резня. Крики стали тише — многие уже умерли, многие затихли, прячась за трупами. Из сотни детей в живых оставалось, наверное, меньше полусотни. Может быть, тридцать. Может быть, двадцать. Я не считал.

Я услышал его голос прежде, чем увидел.

— Сзади!

Рыжий. Он стоял у стены, верёвка с петлёй в руке, и показывал глазами мне за спину. Я обернулся. Двое — похожие, с тупыми одинаковыми лицами, наверное, братья — шли на

меня, размахивая ножами. Один держал нож как кинжал, лезвием вниз. Второй — как ложку, неумело, будто боялся порезаться.

Я не успел бы один.

Рыжий бросил верёвку. Петля захлестнула шею ближайшего из братьев, затянулась, и он упал на спину, хрипя, царапая горло ногтями. Нож выпал из его руки. Второй на секунду отвлёкся — взглянул на брата, пытаюсь понять, что происходит. Мне хватило. Камень, который я не выпускал из левой руки, ушёл в его челюсть — хрустнуло, и он пошатнулся, теряя равновесие. Я добил его прутом — в горло, наотмашь. Прут вошёл ровно туда, куда нужно.

Он упал рядом с братом. Тот ещё хрипел, но уже слабее. Я подошёл к нему, пнул в голову — не из жестокости, чтобы добить. Хрип прекратился.

— Неплохо, остроухий, — сказал Рыжий, подходя ближе. Он тяжело дышал, но улыбался — кривой, насмешливой улыбкой, которая не вязалась с кровавым песком и горами трупов. — Может, не сдохнем.

— Может, — ответил я.

Он протянул руку. Я пожал её. Ладонь у него была липкой от чужой крови.

— Рен, — сказал он.

— У меня нет имени.

Он посмотрел на меня странно — не жалостливо, скорее оценивающе.

— Значит, придумаем потом. А сейчас — держись рядом. Вдвоём веселее.

Мы стали парой. Рен и я. Молчаливый и рыжий. Камень и верёвка.

Мы двигались вдоль стен, не ввязываясь в драки, если можно было обойти. Рен был хладнокровнее, чем я ожидал. Он не кричал, не матерился, не терял головы. Он просто делал то, что нужно: бил, уклонялся, отступал, снова бил. Верёвка работала как продолжение его руки — он набрасывал петлю на шею, на руку, на ногу, выводил противника из равновесия, а я добивал. Мы притёрлись друг к другу за какие-то минуты — словно дрались вместе всю жизнь.

К концу дня в живых осталось семеро. Мы с Реном убили четверых — каждый по два, плюс одного вместе. Я не буду описывать каждую смерть — они слились в одну бесконечную резню, где песок стал красным, а воздух — липким от запаха железа. Скажу только: к закату я знал три вещи.

Первое: я могу убивать. Могу быстро, точно, без колебаний. Это не гордость, это констатация факта. У меня был талант к смерти. Не обучение — талант. Моё тело знало, куда бить, как бить, когда бить, ещё до того, как мой мозг успевал сформулировать мысль.

Второе: Рен стал моим — не другом, нет. Друг — это слишком тёплое слово. Он стал моим союзником. Мы спасли друг другу жизни трижды. Я вытащил его, когда один из

противников прижал его к стене и уже заносил нож. Он задушил верёвкой парня, который подбирался ко мне со спины, пока я возился с другим. Мы были командой.

Третье: кого-то надо убить, чтобы выжить. И этим кем-то должен был стать один из нас.

Когда на арене осталось только двое — я и Рен — мы стояли друг напротив друга. Прут я давно потерял, остался только камень и затупленный нож, который я подобрал с трупа. Рен сжимал в руке верёвку. Петля болталась на его плече, пропитанная кровью.

Толпа ревела. Десять тысяч глоток требовали развязки. Король подался вперёд, его жирные пальцы сжимали подлокотники трона.

— Давай, остроухий! — кричали сверху. — Убей его! Убей!

Рен посмотрел на меня. В его глазах не было страха — только усталость и странное, почти взрослое понимание.

— Ты быстрее, — сказал он. — Я знаю.

Я молчал.

— Ты мог помочь тому парню у стены, — продолжал он. — Я видел. Ты мог, но не стал.

Это была правда. Часом раньше я видел, как двое навалились на него, пытаясь прижать к стене. Я мог броситься на помощь — расстояние позволяло. Но я замешкался. На секунду. Этой секунды хватило, чтобы он оказался на гра-

ни смерти. Он выкрутился сам — верёвкой, оглушил одного ударом сапога в колено, второго удавил. Но Рен заметил мою заминку.

— Ничего, — Рен пожал плечами. — Я бы тоже не стал. Он опустил руки и просто смотрел на меня.

— Давай. Только быстро.

Я помню каждую деталь этого момента. Запах крови — сладковатый, приторный, как испорченное мясо. Крики толпы — они сливались в один непрерывный гул, похожий на рёв водопада. Красное солнце над краем арены — оно садилось, и лучи били прямо в глаза. И его лицо — в веснушках, испачканное грязью и чужой кровью, с улыбкой, которая говорила: «Я всё понимаю. Давай уже, не тяни».

Я поднял камень.

Моя рука не дрожала.

Камень ударил его в горло — то место, где кадык у мальчишек, чуть выше ключицы. Сильный удар, вложивший всю тяжесть тела. Я не хотел, чтобы он мучился. Рен упал на колени, потом на бок. Его глаза смотрели на меня — живые, понимающие. Улыбка застыла на губах. Он не сказал больше ни слова.

Толпа взорвалась восторгом. Король что-то кричал, размахивая кубком, вино расплёскивалось и падало на его бархатный камзол. Кто-то бросил на песок монету — древний обычай, плата победителю. Монета упала рядом с телом Рена и застыла, блестя на солнце.

Я стоял над ним. Не знаю, сколько времени. Может быть, секунду. Может быть, вечность.

Солнце село. На арену спустились сумерки. Кто-то схватил меня за руку и поволок прочь. Я не сопротивлялся.

Так началась моя история. Не рождение героя. Не пророчество о великом воине. Просто мальчик-эльф, который выжил, потому что оказался чуть быстрее и чуть безжалостнее других. Мальчик, не знавший ни отца, ни матери, ни своего народа. Мальчик, который впервые убил — и не заплакал.

С этого момента я перестал быть номером пятьдесят семь.

Глава 2. О клетке, которая стала домом

После того как толпа наигралась, а король утомился, меня выволокли с арены.

Не вывели — именно выволокли. Двое стражников в за-саленных кожаных доспехах, пропахших дешёвым воском и потом, подхватили под руки и потащили по тёмному коридору. Факелы на стенах горели тускло, копоть оседала на плечах. Я не сопротивлялся. Сил не осталось — тело, которое ещё час назад двигалось быстрее мысли, теперь напоминало сломанный механизм: каждая кость ныла, каждый мускул дрожал от перенапряжения. Но это была приятная боль. Боль живого.

Коридор пах плесенью, старыми костями и чем-то кислым — возможно, мочой. Где-то вдалеке капала вода. Мои сапоги (чужие, подобранные на трупе) волочились по каменным плитам, оставляя бурые следы. Я посмотрел вниз — подошвы были в крови. Не моей. Или моей — я уже не различал.

Меня бросили в маленькую комнату без окон. Бросили — буквально, как куль с мукой, на пол, устланный гнилой соломой. Дверь захлопнулась. Засов лязгнул. Я остался один.

Я лежал и смотрел в каменный потолок. На нём не было ничего — только трещины, похожие на карту несуществу-

ющего мира, и влажные разводы от протекавшей где-то наверху воды. Я попытался приподняться на локтях — мышцы взвыли, но послушались. Сесть. Прислониться спиной к стене. Холод камня пробирал сквозь лохмотья, которые когда-то были рубахой.

Рен был мёртв.

Я закрыл глаза и увидел его лицо. Веснушки. Улыбка. Рыжие волосы, слипшиеся от крови. «Ты быстрее. Я знаю». Он всё знал. Знал, что я мог бы спасти его, но не сделал этого — замешкался, испугался, поддался инстинкту самосохранения. И всё равно простил. Или сделал вид, что простил. Какая разница?

Я ждал слёз. Их не было. Внутри — тишина. Такая же, как после того первого убийства на арене. Только теперь эта тишина давила. Не как одеяло — как камень на груди.

Я лёг обратно на солому, свернулся клубком и закрыл глаза.

Меня держали в этой комнате неделю. Может, две. Без солнца время теряет смысл — оно превращается в вязкую массу, в которой тонут часы, а минуты растягиваются до бесконечности. Кормили дважды в день: баланда из чего-то, что когда-то было овощами, и ломоть чёрствого хлеба. Я ел всё. Иногда — с трудом, потому что живот болел от голода так долго, что перестал принимать пищу. Но я заставлял себя. Я был жив — и этого достаточно.

На седьмой день дверь открылась.

Вошедший был не просто стражником — по выправке, по тому, как он держал плечи, чувствовалась военная косточка. Высокий, с седыми висками и шрамом через левую щеку — белая полоса рассекала кожу от скулы до подбородка, край уха был срезан. Он носил форму королевской гвардии — тёмно-синий камзол с вышитым золотым львом, сапоги начищены до зеркального блеска, пряжка ремня сияет. За поясом — кинжал с рукоятью из слоновой кости, на которой вырезано имя. Я не разобрал какое.

Он посмотрел на меня сверху вниз, как смотрят на дохлую кошку в канаве, и усмехнулся.

— Значит, ты и есть тот самый эльфийский выродок, что пережил сотню детей.

Я молчал. Не из гордости — из усталости. И из расчёта: слова — это информация. Информация — это оружие. Лучшее оружие — то, о котором враг не знает.

— Встань, — приказал он.

Я встал. Медленно, хватаясь за стену — ноги затекли, мышцы отвыкли от вертикального положения. Он обошёл меня кругом, оценивая. Худой, жилистый, в лохмотьях, с ссадинами на лице и запёкшейся кровью в волосах. Наверное, я выглядел жалко. Но он смотрел не на одежду — на глаза. Взрослые всегда смотрят в глаза, пытаюсь найти там страх или покорность.

Я дал ему ничего.

— Меня зовут капитан Грегор, — сказал он. — С сегодняшнего дня ты — рекрут Его Величества. Благодарю короля за щедрость. Другой на его месте приказал бы тебя добить — слишком дерзко ты смотришь на меня. Но король милостив. Ты будешь жить в казармах, будешь тренироваться, будешь жрать за счёт казны. Взамен — служба. Десять лет. Если доживёшь — свободен.

Десять лет. Для человека — четверть жизни. Для эльфа — миг. Я не знал тогда, сколько именно проживу. Знал только, что дольше их всех.

— Согласен, — сказал я.

Грегор хмыкнул.

— А ты думал, у тебя есть выбор?

Выбора не было. Но формулировка «согласен» что-то значила для меня. Это было моё первое решение на пути из ямы — не просто подчиниться, а принять условие. Как сделку. Я запомнил это чувство: когда ты не игрушка в чужих руках, а хотя бы сторона договора. Даже если договор неравный.

Меня вывели во двор.

Впервые за несколько дней я увидел солнце. Оно било по глазам, заставляя щуриться и моргать, и я понял, что отвык от света — зрачки сужались медленно, больно. Воздух пах пылью, железом и лошадиным навозом. Знакомый запах. Запах жизни.

Казармы гвардии стояли у восточной стены города —

длинные, приземистые здания из грубо тёсаного серого камня. В некоторых местах штукатурка обвалилась, обнажая кладку, похожую на рёбра дохлого животного. Крыши были покрыты дранкой, местами поросшей мхом. Окна — маленькие, зарешечённые, с мутными стёклами. Пляц — утоптанная земля, твердая как камень, с белыми разводами соли в трещинах. Вдалеке звенели мечи — новобранцы учились рубить чучела.

Грегор привёл меня к длинному одноэтажному бараку, толкнул дверь, и я вошёл внутрь.

Барак для новобранцев. Десятка два коек в два ряда, жёсткие матрасы, набитые соломой, грубые шерстяные одеяла с вытертыми краями. Воздух спёртый, пахнет потом, махоркой и ещё чем-то сладковатым — может быть, лекарством, может быть, гнилью. Несколько парней сидели на койках, чистили оружие, играли в кости. Когда я вошёл, разговоры стихли.

Они смотрели на меня. Все. Кто-то с любопытством, кто-то с откровенной враждебностью, кто-то — равнодушно, как на мебель. Я знал, что слухи расходятся быстро. Остроухий. Победитель Жатвы. Тот, кто убил сотню. Сотня — это преувеличение, но мифам не нужна точность. Мифам нужен герой. Или злодей.

Я прошёл к свободной койке в углу — самой дальней от двери, у стены. Сел. Сложил руки на коленях и принялся ждать. Ждать я умел. Огляделся: труба от печки проходи-

ла рядом с моей койкой — значит, зимой здесь будет теплее, чем у других. Мелочь, но в казарме мелочи определяют жизнь.

Ко мне подошли двое.

Первый — коренастый, широкоплечий, с кулаками, похожими на булыжники. Лицо квадратное, приплюснутый нос, маленькие глаза, сидящие глубоко под надбровными дугами. Второй — тощий, вертлявый, с бегающими глазами цвета болотной тины и вечно полуоткрытым ртом, будто он всё время удивлён. Пахло от них обоих луком и дешёвым табаком.

— Слышь, остроухий, — сказал коренастый. — Тут спят люди.

Я промолчал.

— Может, он глухой? — предположил тощий и захихикал — звук был похож на ржание козы. — Или тупой. Эльфы, говорят, красивые, но мозгов у них — как у бабочки.

Коренастый шагнул ближе. Он был выше меня, тяжелее килограммов на пятнадцать — мышцы, накачанные тяжёлой работой, может быть, в кузнице или на лесоповале. Пахло от него так, будто он никогда не мылся. Он навис надо мной и ткнул пальцем в грудь. Ноготь был грязный, с чёрной каймой.

— Ты меня слышишь, выродок? Здесь тебе не арена. Здесь если обоссешься — будешь спать в луже.

Я посмотрел на его палец. Потом на его лицо. Потом в

глаза.

— Убери, — сказал я тихо.

— Что?

— Палец. Убери.

Тощий заржал — противно, заливисто. Коренастый покраснел. Я видел, как его мышцы напряглись — сейчас ударит. И я был готов ответить. У меня не было камня, но были пальцы. Удар в горло, потом — в висок. Он бы упал прежде, чем понял, что произошло. Я не знал, чему меня учили, но моё тело знало.

Дверь открылась. Вошёл сержант.

Он был невысоким, плотным, с рыжими усами, закрученными кверху, и большими залысинами на лысеющей голове. Форменный камзол сидел на нём мешком, но двигался он легко — без лишних звуков, без скрипа кожи. Ветеран. Я научился их узнавать.

Коренастый мгновенно отступил, палец убрал, руки по швам. Тощий нырнул на свою койку, притворяясь, что чистит застёжку. Сержант оглядел нас, хмыкнул и начал переключку.

— Торн! — рявкнул он.

— Здесь, сержант! — отозвался коренастый.

— Силк!

— Тут я, господин сержант! — Тощий приложил руку к виску, изобразив максимальную почтительность.

— Эльф!

Я не знал, что ответить. Меня никогда не звали «эльфом» как именем. Я промолчал. Сержант посмотрел на меня, сощурился, но ничего не сказал — только чиркнул что-то в планшете.

— Ладно, остроухий, — буркнул Торн, когда сержант вышел. — Живи пока. Но я за тобой слежу.

Он отвернулся и лёг на свою койку — через две от моей. Силк ухмыльнулся мне, показав жёлтые зубы, и тоже убрался на свою половину. Я остался сидеть, глядя в стену. Древесина была старой, с трещинами и короедными ходами. Я насчитал четырнадцать дырок, прежде чем глаза закрылись сами.

Месяцы шли. Тренировки, муштра, снова тренировки.

Нас учили держать строй — плечом к плечу, щит к щиту, чтобы не разорвали кавалерией. Учили рубить мечом — сверху, снизу, сбоку, чтобы не задеть соседа. Учили колоть копьём — в живот, в грудь, в лицо, если противник без шлема. Учили умирать. Точнее, не умирать — но об этом никто не говорил вслух.

Мне не нравилось оружие. Оно казалось мне продолжением слабости — костылём, на который опирается тот, кто не доверяет своему телу. Я учился обращению с мечом, потому что этого требовали, но в глубине души знал: моя сила — не в железе. Что это за сила — я ещё не понимал. Но чувствовал её внутри себя, как смутное тепло в груди. Особенно когда

злился. Или когда боялся.

Я продолжал наблюдать. Это было моим главным умением. Я наблюдал за Торном — за его привычкой наклонять голову перед ударом, за его манерой давить весом, за тем, как он злится, когда не может пробить защиту. Я наблюдал за Силком — за его острыми глазками, которые всегда искали чужую слабость, за его готовностью услужить сильному и ударить слабого. Я наблюдал за сержантами — как они ходят, как говорят, как наказывают.

Торн, Силк и я — нас часто ставили в одну тройку на тренировках. Так сложилось само. Торн был силен, но прямолинеен. Он атаковал как бык — напролом, рассчитывая снести противника массой. Силк бил исподтишка, использовал грязные приёмы, мог ударить в пах или под колено, плюнуть в лицо, кинуть песок в глаза. Я не использовал ничего — только уклонение и контратаку.

— Ты дерёшься как девчонка! — крикнул мне однажды Торн, когда я в очередной раз ушёл от его выпада.

Я не ответил. Просто сделал шаг в сторону, подбил его ногу, и он рухнул на землю, как мешок с мукой. Он лежал на спине, тяжело дыша, а я стоял над ним, протягивая руку.

— Поднимайся, — сказал я.

Он выругался сквозь зубы — я услышал «остроухий ублюдок» и ещё несколько слов, которые не стоит повторять. Но руку взял. Встал, отряхнулся. И в этот момент что-то изменилось в его взгляде. Не стало теплее — нет. Но пропало же-

вание немедленно убить.

Силк прибился к нам сам. Он был как тень — без собственной воли, зато с острым языком и умением смешить. Он рассказывал байки про повариху, которая добавляла в кашу мышей, про сержанта, который спит с козой, про короля, который на самом деле женщина. Силк врал мастерски — с таким воодушевлением, что сам начинал верить в свою ложь. Торн смеялся. Я молчал, но иногда мои губы кривились в подобие улыбки.

Однажды вечером мы сидели у костра во дворе казармы. Было холодно, осенний ветер гонял по плацу сухие листья — жёлтые, красные, коричневые, они шуршали под ногами. Торн раздобыл где-то бутылку мутного кислого вина — он сказал, что выменял её у повара за новую рубаху. Мы сидели на перевёрнутых бочках, пламя освещало наши лица, и я впервые за долгое время чувствовал что-то похожее на тепло.

— На, остроухий, — Торн протянул мне бутылку. — Ты сегодня на тренировке всех уделал. Заслужил.

Я взял бутылку. Понюхал. Запах был резким, уксусным, с нотками дрожжей и чего-то горелого. Сделал глоток — и чуть не поперхнулся. Кислятина жгла горло, оставляя послевкусие, похожее на ржавчину.

— Гадость, — сказал я, вытирая рот рукавом.

Торн заржал. Силк захихикал.

— Первый раз пьёшь вино, что ли? — спросил Торн. —

Эльфы, говорят, не пьют.

— Пьют, но не это. Это словно уксус с дёгтем.

— А ты разборчивый, — усмехнулся Торн. — На улицах небось из луж лакал, а тут — «гадость».

Я хотел ответить что-то колкое, но вместо этого вдруг улыбнулся. Сам не знаю почему. Может, от вина. Может, от того, что они сидели рядом — шумные, потные, глупые, — и не пытались меня убить. Может быть, впервые за много лет я почувствовал, что я не один.

— Ладно, — сказал я. — Давай ещё.

Торн хлопнул меня по плечу так, что я чуть не свалился с бочки. Силк что-то рассказывал про повариху и таракана в супе. Мы пили, смеялись, смотрели на звёзды — их было много, холодных и ярких, как никогда в городе. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что мне... спокойно. Не хорошо, нет. Спокойно. Как в тот раз с горбушкой хлеба. Только без страха, что спокойствие отнимется в следующую секунду.

— А у тебя есть имя, остроухий? — спросил Торн, когда вино почти кончилось. Он был уже пьян — глаза покраснели, речь заплеталась. — Ну, настоящее?

Я покачал головой.

— Имени нет. Меня никогда не звали.

— Так нельзя, — нахмурился Торн. — Человек без имени — не человек. Это как... тень. Или животное.

— Я не человек, — напомнил я.

— Эльф, человек — один хрен. Всё равно должно быть имя.

Силк предложил назвать меня Остроухом. Торн дал ему подзатыльник. Потом мы перебрали ещё десяток кличек — Ушастик, Белый, Молчун, Тень — но ни одна не прижилась. Я слушал их и чувствовал странное тепло. Не от вина — от того, что они тратят на меня время. Что им не всё равно.

Имени я тогда не получил. Но что-то изменилось. Я перестал быть просто зверем в человеческой шкуре. Я стал частью чего-то. Маленькой, случайной, временной — но частью.

В казарме я почти перестал спать. Не потому что не мог — моё тело требовало отдыха, как и любое тело. А потому что каждую ночь мне снился Рен. Не всегда — иногда приходили другие. Дети с арены, лица которых я не запомнил. Парень с прутом. Братья с ножами. Они стояли и смотрели на меня молча. Иногда один из них открывал рот, но вместо слов оттуда вытекала кровь.

Я просыпался с криком. Не всегда — иногда просто с открытыми глазами и колотящимся сердцем. Силк ворчал, что я мешаю спать. Торн молчал. Однажды он бросил мне свой плащ — я лежал в холодном поту, дрожа, и не мог согреться.

— На, — сказал он. — Простынешь — будешь кашлять на построении. Сержант драть будет.

Я взял плащ. Шерстяной, грубый, пахнущий луком и по-

том. Укрылся и закрыл глаза. Рен не пришёл этой ночью.

Месяцы шли. Я учился драться. Учился не только техникам, которым учили сержанты, но и тому, что нельзя было вложить в голову словами. Чувствовать противника. Считать его движение до того, как он его начнёт. Знать, куда он ударит, по взгляду, по напряжению плеча, по дыханию.

Торн, Силк и я — три беспризорника, которых судьба свела в одной казарме. Мы делили хлеб, секреты и страхи. Мы прикрывали друг друга на учениях — когда Торн пропускал удар, я подхватывал его щит; когда я заходил в круге, Силк отвлекал противника. Мы смеялись — и это был настоящий смех, не горький, не защитный. Просто смех от того, что мы живы.

В то время я действительно поверил, что дружба существует.

Глава 3. О цене доверия

После того вечера у костра мы стали чем-то вроде неразлучной тройки. Торн, Силк и я. Сержанты ругали нас за своеволие — мы слишком много болтали на построениях, слишком часто нарушали тишину после отбоя, слишком громко смеялись в неурочные часы. Но нас ценили за эффективность. На тренировках мы действовали как единый организм: Торн держал строй, принимая на себя самые сильные удары, Силк бил с флангов, используя свою вертлявость и острый язык как оружие, я уклонялся и контратаковал, вскрывая защиту там, где она казалась надёжной. Нас посылали в патрули вместе — потому что поодиночке мы были просто рекрутами, а втроём — командой.

Нас называли «Трёшка». Это было неофициальное прозвище, которое прилепили сержанты: «Опять эта Трёшка натворила дел». Торн обижался, Силку нравилось, мне было всё равно.

Время шло. Месяцы превращались в год. Я перестал считать дни.

Я замечал перемены в Торне не сразу. Сначала думал — просто усталость. Мы работали много: подъём до рассвета, тренировки до седьмого пота, патрули в ночную смену, чистка оружия, стирка обмундирования. Организм новобранца

не железный, даже если новобранец — бывший беспризорник, привыкший к голоду и холоду. Торн стал мрачнее. Он реже шутил, чаще молчал. Его взгляд, когда он смотрел на меня, изменился — не с восхищением, как после того, как я подал ему руку на плацу, а с какой-то затаённой тревогой. Словно он видел во мне что-то, чего не видел раньше, и это что-то его пугало.

Иногда он замолкал посреди разговора, уставившись в одну точку — на стену, на свой сапог, на костёр. Я думал: устал. Думал: наверное, снится что-то. У меня самого снилось.

Силк был болтливее. Однажды, когда Торн ушёл в уборную, он наклонился ко мне и зашептал:

— Слышь, эльф. У Торна долги.

— Какие долги?

— Сёстры у него. Две. Живут в портовом квартале. Отец сдох в прошлом году, мать — ещё раньше. Он им деньги посылает из жалованья. А жалованья у рекрута — вошь на аркане. Вот он и взял у Грегора.

— У капитана?

— Ага. Ссуду под будущее звание. Грегор обещал его в капралы вывести, если он ну, поможет с одной проблемой.

— С какой?

Силк покрутил головой, огляделся — никого.

— Не знаю. Грегор не говорит. Но Торн ходит сам не свой. Боится, что не справится. Или что Грегор обманет.

Я тогда не придавал этому значения. Долги, сёстры, ка-

пральские погоны — что это для меня? Я не знал, что такое семья. Не знал, что значит бояться за других. Я был занят — учился. Впитывал всё, чему учили сержанты: работу с мечом, тактику боя в строю, чтение следов, ориентирование на местности. Я становился опасным — и чувствовал это.

Зима в том году выдалась лютая. Снег падал каждый день, занося плац до колена. Сержанты заставляли нас бегать по сугробам — для выносливости. По ночам трубы печки едва грели, и мы спали, свернувшись клубками, в два одеяла. Вода в кувшинах замерзала к утру. Мой организм — эльфийский, медленный — справлялся лучше человеческого. Я не мёрз так сильно, как Торн или Силк. Но я тоже мёрз.

В ту ночь мы возвращались из патруля. Нас послали проверить склады у восточных ворот — кто-то донёс, что по ночам там шастают воров. Воров мы не нашли, но промёрзли до костей. Силк отпросился пораньше — у него разболелся зуб, он жаловался, что голова раскалывается, и пошёл к лекарю. Мы с Торном остались вдвоём.

Мы шли через плац. Луна светила ярко — почти как днём, только холодно и бело. Снег скрипел под сапогами, пар изо рта висел в воздухе, оседая инеем на воротниках. В окнах казарм горел жёлтый свет — кто-то не спал, играл в кости, чистил оружие. Ветер гнал позёмку, маленькие снежные змейки вились по земле, обтекая наши ноги.

Я шёл чуть впереди. Смотрел на звёзды — их было осо-

бенно много в морозные ночи, и они казались ближе, чем обычно. И думал о том, как мало мне нужно для покоя: крыша над головой, еда два раза в день, возможность двигаться, чувствовать своё тело. Не дом, конечно. Но — достаточно.

Я не думал об опасности. Я доверял Торну.

Он делил со мной хлеб. Он смеялся над моими редкими неумелыми шутками. Он дал мне свой плащ, когда я проснулся в холодном поту после сна о Рене. Он был моим товарищем — не другом, но чем-то, что к этому близко.

Удар пришёлся сзади.

Не в спину — в шею, сбоку, туда, где кожа тонкая и близко артерия. Он бил ножом. Я не видел — не мог видеть, потому что смотрел вперёд. Но почувствовал. За долю секунды до того, как холодная сталь коснулась кожи, воздух изменился. Звук шагов за спиной стал другим — резким, целенаправленным, без обычной для Торна тяжеловесной неуклюжести. Он готовился, заносил руку.

Я дёрнулся в сторону — бездумно, чисто на рефлексе, на том самом «Шаге Уклоняющейся Тени», который не учил, но умел. Лезвие полоснуло по плечу, распарывая ткань и кожу, но не задев горло. Боль пришла сразу — горячая, острая, как укус.

Я развернулся. Торн стоял в двух шагах с ножом в руке — тем самым гвардейским ножом с зазубриной на обухе, который он всегда носил на поясе. Левая рука была вытянута

вперёд, правая — с ножом — занесена для нового удара. Его лицо было бледным — бледнее снега, бледнее луны. Глаза — широко раскрытыми, как у человека, который сам не верит в то, что делает. Зрачки прыгали: на меня, на нож, снова на меня.

— Торн, — сказал я.

Он не ответил. Он бросился на меня — молча, отчаянно, не как тренированный солдат, а как загнанный зверь. Нож описал дугу, целясь мне в лицо. Я ушёл в сторону — лезвие пронеслось в сантиметре от щеки. Он ударил ещё раз — в живот, снизу вверх. Я перехватил его руку, сжал запястье, попытался выкрутить. Но он был сильнее — не умением, а массой, отчаянием. Он вырвался, пнул меня в колено, заставив пошатнуться. Я отступил на шаг, другой.

— Торн, — повторил я. — Остановись.

Ни слова. Ни объяснения. Ни крика.

Он наступал, я отступал. Моё плечо горело — я чувствовал, как кровь течёт по руке, капает на снег, оставляя чёрные в лунном свете пятна. Одно пятно, другое, третье — как дорожка, ведущая к смерти. Я ждал. Он выдыхался — его движения становились всё более рваными, бесконтрольными. Он не был создан для убийства. Он был создан для работы, для простой силы, для прямых ударов. А сейчас он метался, как рыба на льду, пытаюсь сделать то, чего не умел.

Я не хотел его калечить. Я надеялся, что он остановится. Что он скажет хоть слово. Что я смогу понять — почему.

Внутри меня что-то кричало: «Это же Торн. Тот, кто смеялся с тобой у костра. Тот, кто дал тебе свой плащ. Ты не можешь его убить».

Но он не остановился.

Он сделал последний выпад — самый отчаянный, бросившись всем телом вперёд, как будто хотел не ударить, а обнять ножом. Нож целил мне в грудь — прямо в сердце. На этот раз я не стал уклоняться.

Я ушёл с линии атаки — короткий шаг влево, скользящее движение, — и перехватил его руку. Наши пальцы сомкнулись на рукояти ножа: его, сжимающие изо всех сил, и мои, выкручивающие запястье. Я не был сильнее его, но я был быстрее и точнее. Рывок — и лезвие изменило траекторию. Оно вошло ему в грудь.

Не в сердце. Я не целился в сердце. Рядом — между рёбрами, в мягкое. Он сам напоролся на собственный нож — я лишь направил удар. Но крови было много. Она хлынула сразу — тёмная, почти чёрная, заливая рубаху, снег, мои пальцы.

Торн замер. Его глаза расширились — не от боли, а от изумления. Нож выпал из его разжавшейся руки и остался торчать в ране, торча рукоятью вверх. Он покачнулся и упал на колени. Кровь пошла изо рта — тонкой струйкой по подбородку.

— Прости, — прошептал он. — Прости меня.

Я опустился рядом с ним на корточки. Его взгляд был уже

мутным, зрачки расширились, лицо побледнело так, что веснушки стали видны, как пятна на белой бумаге. Но он цеплялся за моё лицо — смотрел, не отрываясь, будто хотел запомнить.

— Грегор — слова давались ему с трудом, каждое — как выдох умирающего. — Мои сёстры он обещал звание капрала деньги Я должен был Они бы умерли без меня. А ты ты сильный. Ты бы выжил. Прости.

Я ничего не ответил. Просто смотрел, как жизнь уходит из его глаз. Он пытался ещё что-то сказать, но губы не слушались — шевелились, издавая невнятные звуки, похожие на молитву. Потом он дёрнулся — один раз, сильно — и затих.

Я закрыл ему глаза. Рука, которой я это сделал, была в его крови — липкой, быстро остывающей на морозе. Моя собственная рана на плече пульсировала болью, но я её почти не замечал. Внутри была только пустота. Не тишина, как после первого убийства. Не покой. Пустота — огромная, холодная, как этот плац, как это небо, как эти звёзды, которые равнодушно смотрели на то, что происходит внизу.

Я хотел сказать что-то. Какое-то прощание. Но слова не пришли. Я просто сидел на коленях в снегу и смотрел, как снег падает на его лицо. Белые хлопья ложились на закрытые глаза, на губы, на рыжие волосы, смешивались с кровью и таяли.

Не знаю, сколько времени прошло. Минута? Час? Из оце-

пенения меня вырвали шаги — громкие, торопливые, много ног. Я поднял голову. Через плац ко мне шли стражники. Впереди — капитан Грегор.

Он был в полном облачении — парадный камзол с золотыми галунами, при мече, сапоги начищены. Его лицо выражало злую радость — удовлетворение человека, который дождался своего. Глаза блестели в свете факелов, которые несли стражники.

— Взять его! — крикнул он, указывая на меня пальцем. — Убил сослуживца! Схватить эльфийского выродка!

Стражники окружили меня. Пятеро — все с мечами наголо, все с лицами, на которых читалось: нам всё равно, виновен ты или нет. Мы исполняем приказ. Я попытался встать — и не смог. Ноги не слушались. Не от ран — от чего-то другого. Что-то внутри сломалось, и я не знал, как это починить.

Я стоял на коленях в снегу, глядя перед собой пустыми глазами. Кровь из плеча капала вниз, ритмично, как метроном. Снег подо мной растаял, превратившись в красное месиво.

— Встать, я сказал! — Грегор шагнул ко мне. — Ты что, оглох? Встать, тварь!

Я не мог. Просто не мог. Мои руки дрожали — не от холода, не от боли, а от чего-то, чему я не знал названия. Кто-то из стражников пнул меня в бок — не больно, скорее для порядка. Я упал в снег лицом вниз. Снег забился в рот, в нос, я закашлялся.

Тогда я услышал свой голос. Тихий, почти шёпотом, сам от себя:

— Я не хотел.

Никто не услышал. Кроме, возможно, снега.

Стражники схватили меня за руки — двое, по бокам, выкручивая локти. Я не сопротивлялся. Бесплезно. Грегор стоял в трёх шагах, скрестив руки на груди, и улыбался — той улыбкой, которая не сулит ничего хорошего.

— Грегор, — сказал я. Голос был хриплым, чужим. — Ты послал его.

Он перестал улыбаться.

— Ты послал Торна убить меня. А теперь хочешь повесить на меня его смерть.

— Мальчишка, — сказал он тихо, почти ласково. — Никто не поверит эльфийскому выродку. Особенно тому, кто только что зарезал своего товарища.

Он подошёл ближе, наклонился к моему лицу. От него пахло вином и чесноком.

— Ты умрёшь, остроухий. Может, не сегодня. Может, завтра. Но ты умрёшь. А я стану майором.

Он выпрямился и повернулся к стражникам:

— В карцер его. Завтра — военный суд.

Меня поволокли. Я не сопротивлялся. Голова была пустой, как выскобленная тыква. Я смотрел на небо — звёзды всё так же равнодушно сияли над плацем. Я думал о Торне.

О его сёстрах. О том, умрут ли они теперь, когда он не сможет посылать им деньги. Я думал о том, что я — эльф, чистокровный, последний из рода, которого я не знаю. И что я, возможно, умру здесь, в этой дыре, не узнав даже своего имени.

Мы прошли уже половину плаца, когда из тени между бараками вышли трое.

Они появились бесшумно — словно соткались из воздуха. Высокие, худые, в чёрных балахонах с глубокими капюшонами, скрывающими лица. Руки спрятаны в широких рукавах, движения плавные, текучие — как у людей, которые никогда не спешат, потому что время работает на них. От них пахло ладаном и старым камнем — запахом, который я не мог узнать, но который запомнил навсегда.

Один — тот, что шёл впереди, — остановился и откинул капюшон.

Старик. Седая борода, седые волосы, лицо в морщинах, как старая кора. Но глаза — живые, яркие, не по-стариковски ясные. Голубые, с золотыми искорками. Они смотрели на происходящее с холодным любопытством, как смотрят на муравейник, который заливают водой.

— Капитан Грегор, — произнёс он. Голос был сухим, как шорох пергамента, но отчётливым — каждое слово долетало до ушей, несмотря на ветер.

Грегор резко обернулся. Его рука легла на эфес меча.

— По какому праву? Это мой гарнизон! Этот парень убил

моего солдата!

— Убил, защищаясь. — Старик говорил спокойно, даже лениво. — Твой солдат напал первым. Ты знаешь это. Ты сам послал его.

— Ложь! — Грегор шагнул вперёд. — Кто ты такой, чтобы обвинять офицера Его Величества?

— Я Тэон, мастер Ордена Затмённой Ладони. — Старик чуть наклонил голову, как бы разглядывая Грегора. — Мы пришли за этим мальчиком. Отпусти его, и твоя роль в сегодняшней ночи останется между нами. Попытаешься помешать — и наша Богиня обратит на тебя свой взгляд.

При упоминании Ордена стражники попятились. Один отпустил мою руку. Другой — тоже. Грегор побледнел — даже в лунном свете было видно, как краска отхлынула от его лица. Орден Затмённой Ладони. Я слышал о них — слухи, которые передавали шёпотом. Монахи-воины. Шпионы. Убийцы. Советники королей. Их агенты плели интриги по всему континенту, и никто не знал, сколько их и на что они способны. Грегор явно не хотел проверять.

— Забирайте, — выдавил он. — Это просто мальчишка. Мне он не нужен.

— Разумное решение, — кивнул Тэон.

Он повернулся ко мне. Двое других монахов остались стоять позади — по-прежнему безмолвные, как изваяния. Тэон протянул мне руку — сухую, с длинными пальцами, униженными серебряными кольцами.

— Пойдём. Твоя рана нуждается в перевязке. А твоя душа — в ответах. Хотя последнее, возможно, займёт больше времени.

Я посмотрел на его руку. Потом на свои — в крови, дрожащие. Попытался подняться — и не смог. Ноги не держали. Я был как сломанная кукла, у которой выдернули нитки.

— Не могу, — выдавил я. Голос был чужим — тихим, слабым.

Тэон не сказал ни слова. Он нагнулся, взял меня за здоровое плечо и помог встать. Я покачнулся, ухватился за его рукав. Мои грязные пальцы оставили кровавые следы на чёрной ткани. Он не отдёрнул руку.

— Ничего, — сказал он тихо. — Бывает. Идём.

Я оглянулся на тело Торна. Его уже начинало заметать снегом — белая пелена укрывала лицо, грудь, руки. Скоро он станет просто бугорком, а потом — частью плаца. Я перевёл взгляд на Грегора. Капитан стоял, стиснув зубы, но не решаясь ничего предпринять. Его правая рука всё ещё лежала на эфесе меча, но пальцы были расслаблены. Он не будет драться.

Я запомнил его лицо. Запомнил каждую морщину, каждый шрам, цвет глаз — серо-зелёный, как болотная вода. Я запомнил всё.

И шагнул за Тэоном, держась за его руку, потому что самостоятельно идти не мог.

Мы вышли за ворота казармы. Снег падал всё сильнее, залепляя глаза. Двое монахов двигались впереди и сзади, оставляя меня в середине — как пленника, только без цепей. Тэон шёл рядом, поддерживая под локоть.

— Ты знал, — сказал я. — Ты всё знал про Торна и Грегора.

— Знал.

— Почему не пришёл раньше? До того как он до того как мне пришлось

Тэон помолчал. Снег скрипел под его сандалиями — он был босым, я только сейчас заметил. В такую стужу — босиком. И не мёрз.

— Потому что ты должен был сам сделать выбор, — сказал он наконец. — Я не имел права его за тебя делать.

— Какой выбор?

— Выбор — защищать свою жизнь или подставить горло. Ты выбрал первое. Это правильно.

— Я убил его.

— Он напал первым. Ты защищался. Это не убийство — это выживание. Разницу ты узнаешь позже.

Я хотел спорить, но сил не было. Рана на плече горела, ноги подкашивались, снег забивался в сапоги. Я шёл, глядя под ноги, и думал о том, что только что закончилась моя солдатская жизнь. Двенадцать месяцев в казарме. Двенадцать месяцев, за которые я обрёл и потерял друзей.

Рен. Торн.

Я оставлял их обоих в снегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.